

8 коп.

Художественная библиотека _____
_____ Крестьянской молодежи.

АРТЕМ ВЕСЕДЫЙ

Рилькина Карьера

"Молодая Гвардия"
М.-Л.

—1926—

Филькина карьера

I

На желтом сахарном пакете:

МАНДАТ

„...т. Ф. С. Великанов действительно командировается в революционные Хомутовскую и Белозерскую волости для руководства переборами сельсоветов и комбедов, а также разъяснять гражданам цели и задачи Соввласти на местах. Полное доверие и всяческое содействие вплоть до приискательских подвод вне очереди“.

Фильке Великанову под двадцать. За унылый рост и редкий голосок в слободке прозвали его японцем. Филька-японец пылен, дробен, костляв, как чехоня, и рыло с узелок. С малых лет в работу втянутый. Сезоны с отцом малярничал. Две зимы в приходской голыми пятками сверкал. Выгнали за озорство. С отцом дружба врозь. Филька к столяру Михал Иванычу Рытову. В скорости

хозяин Рытов на своих же именинах политурой опился. Филька, имея беспокойство в сердце и трешницу в кармане, с эшелонном сибиряков—под Перемышль, Крево, Молодечно. Команда разведчиков, тах-тарарах, георгий, липовая грабля, по чистой, ду-ду, пригрохал:

— Здорово, тятя.

Отец за печкой в гнезде вонючего тряпья гнил заживо. Слушал, слушал Филька охи отцовские, тоска проняла. Купил мышьяку для крыс, самогонки банку:

— Пей, тятя, поправляйся.

Много ли слабому человеку надо? В момент сварило.

Распушил Филька сундуки, купил двухрядку саратовскую. В синей суконной поддевочке нараспашку, в лакировках вышел к воротам на скамейку. Развел гармонь, колокольчиками потрянул.

Пришла послушать бойкая солдатка Дарья, да и осталась, поворотила к Фильке свои милости обильные. Притащила узел с добром, машину Зингер. Зажили гражданским. Дарья родная тетка сболтнула: „Ма-

нуфактуры, с места не сойти, по шесть аршин дают“.

Молодые—в исполком.

— Где тут записывают?

— Женитесь?

— Так точно, имеем страсть пожениться.

Мануфактуры, понятно, не дали. Но проходили не зрей, Ларивонича встретили. Дьяк-расстрига, пьянчужка Ларивонич Фильке ручку потряс и вдруг произносит:

— Как я заведу всеми вероисповеданьями и как помню твоего батюшку...

На другой день приделся Филька, нацепил геorgia и в исполком. Ларивонич своей рукой прошение вычурил, нашептал Фильке на ухо и вдвоем шасть в кабинет к наибольшему.

— Вот-с, товарищ Капустин, глубокоуважаемый председатель, познакомьтесь. Сын трудового ремесленника, увечный воин, желает прослужить народу, и подчерк подходящий.

Капустин взглянул на почерк, на геorgia, на жидкую рожицу в паутине мелкого волоса.

— Инструктором можешь быть?

— Так точно, могу.

Резолюция стрельнула по прошению с угла на угол: „Зачислить в штат разъездных инструкторов с 5/х1, испытание—срок две недели“.

...Ямская пара крыла накатанный большак. В просторах стыл извечный расейский колокольчик. Филька кутался в реквизированный, выданный на поездку, тулуп, поминутно щупал под собой брезентовый портфель, туго набитый инструкциями, и бойко расспрашивал ямщика Петухова:

— И муки достать можно? А картошка почем? Молоко тоже страх люблю... Чехи—они гады, всех их передушить придется, чтоб не приключилось у нас новой чепухи.

Ямщик спал и всю дорогу тянул: ууууу, ээээээ, уууууу, ыыыыы... На крутых шиблях он тыкался носом в щиток, разбирал вожжи, взбивал падающий на глаза собачий малахай и, привстав, указывал кнутовищем:

— Воон, воооон пошли...

— Где? Чево?

От островка леса цепочкой трусили серые. Тоненько лил льдистый ветер. Мел по-

земок, сумь. В снегах дымились теплые гнезда деревень.

— Зверья развелось боле, чем скотины. Восейка у тестя на калде корову сожрали, одну требуху оставили, во, прокляты...

По Хомутову вздулись огни.

В исполкоме новый председатель, Танёк-Пролёз дела разбирал. Чадила плошка-сальник. По полу валялись мужики, бесперечь зыбали, лениво переговаривались.

Филька вошел и окостенелым языком еле выворотил:

— Аяй, холодно у вас, насилу доехали. Веселый голос из угла:

— У нас холодно, а у вас аль хрухта пушится?

— Нда, он, этот морозо-от, сопли высушит.

Инструктор валенки у порога обивал. Мужичьи голоса бубнили глухо, ровно сытые ботала в ночном:

— С ковкой беда, жестель.

— Ковка нонé чево, и не говори.

— Ваш мандат, товарищ?

И еще кто-то вошел, крепко хлопнув дверью. Огонек в плошке дернулся и сгиб. Разживляли-разживляли, не тут-то было,—са

ло выгорело. Филька тревожно шупал одубевший нос, в темноте жал руку председателю:

— Собрание вот общее, согласно инструкции, да сала бы где гусяного раздобыть?

— Сала мы достанем, а нацет собрания надо подумать...

В дегтярной черноте угрюмо загалдели:

— Чово тут думать, на ночь глядя.

— Аль останний час живем, дня не будет?

— Не выгонка, в сам деле.

— Выпча глаза...

— Ништо...

— Товарищ инструктор, а товарищ, такое слово есть—глашатай—к чему оно?.. Весь вечер жуем, не разжуем...

Ночевал Филька у попа.

Покладистый да разговорчивый поп Вынь-аминь шелкову бороду на палец вил, ложечкой в стакане играл, бережненько вопросами обкладывал:

— Что в городе нового, да как Англия с Францией?

Филька усердно уминал блинчики, ватрушки, крендельки; протрясся с утра, а дорожный паек Дарье оставил, ведь любовь—

не хвост собачий. Булочки, варакушки хропал, пальцем этак рассеянно по столу водил:

— Европа, она что-ж?.. Европа она, сука, извините, с буржуазией заодно... Обязательно ее бить придется, иначе останемся мы при пиковом интересе.

Петухи давно отславили, морозные узоры светлели на окне, а Филька все вникал в инструкции, но туго. Азартно скреб подмышками, зло разбирало: и зачем эти европейские слова понатыканы? Чорт об них клыки раскрошит. Когда в комнатушку вошла поповна звать гостя к чаю, Филька спал за столом, уронив голову на непонятные бумаги.

Утром сбили сход.

Всем селом целый день вьедались в инструкции и плутали в кривотолках. Филька парился. Его обмороженный, вздутый нос вызывал у мужиков смех. Спасибо председателю Таньку-Проньку: от него инструктор узнал, как кандидатов выбирать, как давать высказываться, как голоса совать. Его неокрепший, мальчишеский голос тонул в гаме:

— Товарищи крестьяне, товарищи, прошу слова...

За три дня раскатил Филька у попа яиц сотню, расплатился по твердым ценам, поехал в Вязовку—раскольничье село толку молоканского.

.....
Пути-дороженьки расейские, ходить не исходить вас, радоваться не нарадоваться. Заворожили вы сердце мое бродяжье, юное, как огонь. Приплясывая, бежит оно в дали радощные. Любы мне и светлые кольца веселых озер, и ленивые развалы степей, и задумчивая прохлада мудрых лесов, и поля, пылающие аржаными пожарами. Любы мне и зимы, перекрытые лютыми морозами любви и весны, разматывающие яростные шелка. И когда-нибудь у придорожного костра, слушая цветную русскую песню, легко встречу свой последний, смертный час.

.....
В город Филька воротился в нагрузе. Из саней в избу Дарья таскала мешки и мешочки, свертки и сверточки. Сам отгонял глазевших баб и мальчишек.

— Проходи, проходи, не выворачивай буркалы, узоров тут мало.

Чайничали втроем.

Филька приветливо угощал подводчика:
— Кушай, товарищ, кушай... Советская власть, она... Теперь у нас дело пойдет... Кушай, не бойся, сыр из немецких колонок.

Мужик поглядывал на привязанную под окнами лошадь и почтительно дул в блюдечко:

— Есть у нас на Мамычевых куторах мельница немудраца... Даа... Работала наша мельница нефтой, до старого режима работала. Оно по нынешним временам, к примеру сказать, поглядеть на ту нефту и то нету... Даааа... Вот, товарищ, об чем вашу милость я хотел просить..

— Загляни, любезный, через недельку, поговорим.

— Пожалуста, нельзя ли как-нибудь, а уж мы отблагодарим..

Умылся Филька, переоделся и—вон.

У исполкомского под'хода догнал его Ларивоныч. Пучок слов о том, пучок о сем—и к делу:

— Привез?

— Чо?

— Брось, ..валять, али не знаешь чево?

— Святой водички, штоль?

— Самой божьей благодати.

— Нету, Ларивонич, пра ей бо, вот те крест, святая икона — нету. Разрази меня, поразит меня, солнышка красного не взвидать, сам капли в рот не брал.

Трудно было поверить Фильке насчет капли-то: рыло облуплено, глаза дурные и голос в багровых трещинах. Ядовитую слюну глотнул дьяк, отрыгнул и плюнул инструктору на новый валенок:

— Не совслужащий ты, а подлец. Порадел, как сыну родному, а ты саботажем платишь. Тьфу, собачья огрыза. Тьфу, сукин ты сын. Тьфу, анафема...

Уперев глаза в исполкомовскую дверь, уклеенную обязательными постановлениями, Филька отслушал молча и, понурый, полез в организационно-инструкторский. Заву отпрапортовал:

— Прибытие мое благополучно, поездка увенчана успехом, а что касается Ларивонича, словам его веры не давайте, будьте добры,—вышло у нас семейное недоразумение, и беспрерывно возымает он желание меня съесть.

Зав оттолкнул его к секретарю, а секретарь и припер:

— Представьте доклад в письменной форме на предмет отчетности.

Филька и так и сяк и... об косяк, но все-таки не отвертелся. В секретарской папке, жирно залитой чернилами, вчитался в пару докладов „на предмет образца“ и живой солдатской смекалкой вник.

Дома похмелился Филька последней бутылкой и, выгнав Дарью,—здрово рассуждая, что при сурьезном деле баба: болона,—навалился на доклад. С пятницы, с обеда, и до понедельника не вставал с табуретки, писал Филька доклад, хмурился и ругался. Жена ночевала по соседям и не раз с плачем стучалась в дверь:

— Отопри, ирод, от людей-то страмота.

— Уйди.

— Дьявол, изба-то кой день не топлена.

— Уйди, холера, не тревожь ты моего дикого сердца.

Глотая слезы, Дарья уходила, причитая на всю улицу:

— Господи, батюшка, и за что ты накачал на мою шею такого дурака? И как я век свой буду вековать?

Два карандаша исписал Филька. Утрясся доклад в пятьдесят листов с гаком, вот его косточки:

Доклад вкратцах

„Первый параграф прибытия моего приезда в савецкое село Хомутово того же уезда где пришлось мне сделать внушение все бурно кричали долой где и перевыбран председателем мельник Утюгов зажиточный мельник но мужик добродушный за власть стоит обеими ногами что и затвердило общество.

Второй параграф посыпался на меня ряд вопросов по отделению церкви и пришлось мне создать вероисповеданье, а еще допросить о действиях испалкома за утекший срок стоит ли на платформе сове власти и трудового пролетаря да стоит. На подначку я выбросил лозунг ура возражений не было и все мирно разошлись по домам. Хорошо поуженав улекса я спать начем и закончился второй параграф текущева дня.

А за утро хорошо позавтракав и забрав портфель иду на митенг по-крестьянски сказать на сходку где все бурно кричали долой. Я поинтересовался из-за чего такая ярманка,

Один старик все крики согласно инструкции по перевыборам в камбед куда имеет страсть прорваться кузнец Танёк-Провёк этот какой номер ему не праходит все против, а из-за чево против? На каком-то празднике настоящий кузнец всенародно и откровенно поносил божественную силу и простой народ от него всецело откачнулся и вдруг подают мне резалюцию каковую я не мог хладнокровно видеть“.

„Заслушав в порядке дня вопрос серьезного разрешения о контрибуции и выборах комбеда, в котором матевируется к руководству взыскать к 1 декабря с капитал-кулаков, капитал-спекулянтов и т. д. Принимая во внимание, что капитал-буржуазии у нас нет, а о. Виниамин бедного состояния — отказать во всей сумме, также всем обществом, согласно твердо выраженной воли огромного большинства наотрез отказываемся от комитета бедноты, нужды в каковом не испытываем.

Председатель общего собрания граждан села Хомутова Ив. Утюгов,
Секретарь Куньчин“.

И дальше Филькин доклад:

„Испросив себе своего законного слова я гаварю без контрбуцеи невозможно и без комбеда обратно невозможно раз по всем городам и деревням русским кроет контрбуция и комбеды невозможно чтоб Хомутово было на отличку. Крупный завернулся спор где и пришлось выбрать председателем честь и гордость славный красноармеец Карпа Топоркова, секлетарем к нему означенный кузнец Тавёк-Провёк фамилию не упомяну. С пеньем похороннаго марша разошлись мы миролюбиво по домам, а ещо така штука согласно постановления президюма проживал я у попа и за все съедено выпито уплачено по твердым ценам об чем можете справица по почте или телеграфу. Хорошо поуженав уснул я как удушенный.

А утром потребовал лошадей получче и пришлось мне уехать в Вязовку неизвестной волости где меня приветливо и добродушно встретили честь и слава краса и гордость прекрасный товарищ Савоськин да знакомый крестьянин из протонародья Яков Карягин кулугурскаго вероисповедания. Повели меня вновь в народный дом под загла-

вием Улыбка Слободы или театр деревенского развлечения с бесплатным входом, где повстречался в пьяном виде продагент печальный товарищ Синичкин и начал проверять мандат на каком основании нанес мне политические побои горько и обидно арестовал меня. Я как солдат врешь думаю не поддамся и заарестовал его шкурника позорящего под корень нашу драгоценную власть

После чего прихватив с собой милицанера Акима Собакина пошел я с обыском к кулугуру товарищу Карягину где после тщетных усилий нашел я ведро кумышки нашел в печке заgrimировано заслонкой. Сын Карягина имя не упомяну рассказал в старом кооперативе открылся вновь народный дом а старики поголовно против и ночью взломав дверь залезли в вышеозначенный нардом, ободрали шпалеры, лавки переломали до одной, громофон топором посекали и девок актерок тоесть актрис через всю деревню нехорошими словами величают. Все кулугуры и безразлично молокане не обращая внимания на соввласть крепко за бога господу держутся, а вчера чтоб умиловить стариков сажали их в первый ряд на мяхкие

стулья, артистам на сцене было запрещено целоваться а что будет не знай.

Старик Карягин клялся божился будто пожертвовал в народ на вывеску старую дойницу и кумышку накурил на торжественное употребление по случаю женитьбы меньшака. Не откладывая устроили мы с Акимом вдвоем собрание и вдвоем порешили передать кумышку в исполком под расписку, посуда не виновата посуду воротить хозяину, наглядевшись на его мученические слезы на первый раз спустить, а в народ передать уголовное дознание о подломе замка в народоме.

Да здравствует народ в котором днем ребяташки учутся плохо дров нет, а село степное к примеру кнутника взять негде, воровать казенный лес крестьяне не подписываются и учитель хочет наниматься в больницу фельшером, который голубятник упал с крыши и разбился в дребезги.

В школе ужасная картина, окна в полном смысле паутиной подернуло, двери выломаны и даже убитого гражданина мешочника подкинули в ту школу то есть в учелеще. Прод-агента печального товарища Ласточкина не

довелось мне еще раз увидеть и внушить а чека обязана взять его на заметку за сугубое отношение к ответственным работникам.

Доношу в тот же день в Вязовке состоялся чемпион китанический бой побоище. И старики и молодежь дрались полюбя, но горячка возвышалась до кольев и поленьев, побитых и покалеченных ураган. Спрашиваю из-за чего увечите друг дружку, с плачем отвечают обычай у нас милый человек такой не нами заведен не нами и кончится.

А я так думаю от деревенской темноты это на них наслано и выходит что деревенский дурак в десять раз дурее городского, потому, хотя бои и в городе есть, но когда наши слободские режут, терзают и всячески убивают соплевских или дубровских ребят, это уж будет не бой а драка каковая и при старом режиме каралась всеми статьями уголовного закона. Прошу и низко кланяюсь нашему хвала и гордость товарищу Капустину громыхнуть декретом в трезвом виде драки тяжелыми предметами запрещаются.

Время я провел в селе очень весело и множество народа как мужиков так и баб высыпало на улицу провожать меня и по

моей просьбе хором спели похоронный марш в честь моего отъезда.

Дорываясь заехать в коммуну графа Орла Давыдова до нитки разграбленную неизвестными личностями, к великой жалости мне проведать не удалось и дурак ямщик с пьяных глаз завез меня в деревню Урайкино с мордовским народонаселением бедного состояния и пришлось мне собрать сход.

— Есть у вас совет?

— Нету.

— Есть комбед?

— То же самое.

— Чево же у вас есть?—спрашиваю.

— Ничево, товарищ, нет—ржанину пополам с мякиной едим, на пять дворов одна лошаденка осталась, голодная тоска задавила нас.

И пришлось мне собрать всех грамотных человек десять на деревню и выбрал я из них председателя и секретаря, а остальных членами назначил и объявил о присоединении ихой деревни к Советросии.

Бабы давай плакать, мужики креститься, а председатель солдат Судбищин закрутил ус смеется не робей православные помирать

так всем вместе и открытым голосованием на месте порешили переименовать в мою честь Урайкину деревню в Великановку. Тогда пришлось мне тряхнуть портфелем и вытащить инструкцию о комбеде...“

Дальше больше—лопатой не провернешь.

Напрасно старался Филька, напрасно поточил, не вставая с табуретки с пятницы до понедельника.

Горько и обидно вытряхнули Фильку из инструкторского тулупа, на краткосрочные курсы сунули; три месяца, даром что краткосрочные, а тут день дорог—распалится сердце, в день сколько можно делов наделать!.. Не показались Фильке курсы: чепуха, а не курсы.

В партию Филька прописался, умирнул Филька в чеку.

ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ
КАРМАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ КОМСОМОЛЬЦА
„ТОВАРИЩ“
на 1926 год

Календарь содержит разнообразные сведения, необходимые для каждого комсомольца и молодого рабочего

В КАЛЕНДАРЕ СЛЕДУЮЩИЕ ОТДЕЛЫ:

- 1) Календарь революционных событий, 2) Коминтерн,
- 3) КИМ, 4) РКП (б), 5) РЛКСМ, 6) Юные пионеры,
- 7) Организуй самого себя, 8) СССР, 9) Профсоюзы,
- 10) Богатства СССР, 11) Физкультура и спорт,
- 12) Справочный отдел, 13) День за днем.

Календарь содержит 285 стр. Цена в папке — 70 к.,
в переплете с золотым тиснением — 1 р.

Подписные цены на 1926 год на журналы издаваемые Издательством „Молодая Гвардия“

„ПИОНЕР“. Двухнедельный журнал юных пионеров. Орган ЦБ ЮП и Наркомпроса.

При ближайшем участии Н. Крупской,
Е. Ярославского и А. Луначарского.
1 м.—30 к., 3 м.—85 к., 6 м.—1 р. 60 к., 1 г.—3 р.

„ВОЖАТЫЙ“. Двухнедельный журнал. Руководящий орган ЦБ комгрупп юных пионеров.

1 мес.—40 коп., 3 мес.—1 р. 15 к., 6 мес.—
2 р. 20 коп., 1 год—4 руб.

„ЗНАНИЕ—СИЛА“. Новый приключенческий и научно-популярный журнал для подростков. Дает естественно-научные и географические статьи. Жизнь народов Запада и колониальных стран. Биографии людей науки. Приложение к журналу „ПИОНЕР“.
1 мес.—30 к., 3 мес.—85 к., 6 мес.—1 р. 50 к.,
1 год—2 р. 90 коп.

„КОМСОМОЛЬСКАЯ УЧЕБА“. Двухнедельный журнал. Орган Политпросвета ЦК и МК РЛКСМ.

Новый журнал в помощь агитаторам-пропагандистам, руководителям школ политграмоты и всем политпросветработникам губкомов, укомов и ячеек РЛКСМ.

ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ
СПУТНИК ЮНОГО ПИОНЕРА
 на 1926 год

СОДЕРЖАНИЕ: О себе. Табель-календарь. Не-
 рабочие дни. День за днем. Список учеников. Сли-
 сок ребят отряда. Расписание занятий. Что мне
 надо прочесть. Ленин. Пролетарские праздники. Пе-
 сни юных пионеров (14 песен). Юные пионеры-
 ленивцы. Торжественное обещание. Законы юных
 пионеров. Обычай. Как построена детская комму-
 нистическая организация. Салют. Девиз и лозунг.
 Флажки и знамена. Форма юных пионеров. О пио-
 нерских форпостах и школах. Международное дет-
 ское коммунистическое движение. **Комсомол.** Что
 такое комсомол. РКП(б). Как боролась РКП(б). Ко-
 личественный состав РКП(б). Наши вожди. **Памят-
 ка пионера.** Пионер в семье. Пионер в школе.
 Пионер и неорганизованные дети. Пионер на фаб-
 рике и заводе. Помни о деревне. Семь правил для
 пиора. Работа отряда и звеньев. День пионера.
 Как вести собрания. В лагере. **Справочные сведе-
 ния.** СССР. Состав. Основной закон. Совнарком.
 Население. Административное деление. Рост про-
 мышленности. Метрическая система мер и весов.
 Силовые меры. Международное время. Астрономи-
 ческие сведения. Первая помощь. Почтово-теле-
 графная такса. Адреса и телефоны. Для записей и
 заметок

**Стр. 217. Цена в папке — 60 коп., в переплете
 с золотым тиснением — 85 коп.**

Значки „КИМ“ и „Будь готов“

„КИМ“—эмалированные на винтах...	Цена 35 коп.
„ „ „ „ булавках .	„ 30 „
„Будь готов“—эмалир. на винтах	„ 35 „
„ „ „ „ булавках.	„ 30 „
„ „ „ „ крашенные	„ 5 „